

Научная статья

УДК 614

doi:10.25742/NRIPH.2023.01.021

**«Новая жизнь должна быть непременно здоровой жизнью»: социальная гигиена
как инструмент воспитания «нового человека» в концепции наркома здравоохранения
Н. А. Семашко**

Яна Грантовна Григорьян

ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова
Минздрава России (Сеченовский Университет), г. Москва, Российская Федерация

grigoryan.yg@1msmu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5439-8788>

Аннотация. В статье исследуется влияние социальной гигиены на процесс воспитания советского гражданина после социалистической революции 1917 года. С начала 1920-х годов Наркомздрав и его руководитель Н. А. Семашко рассматривали социальную гигиену как наиболее эффективный инструмент системной работы по «оздоровлению» всех сторон жизни советских людей — условия труда, питания, жилища, быта, отдыха, воспитания. Превратившись в часть культурной деятельности государства, социальная гигиена заняла важное место в процессе строительства социалистического государства, являясь частью проекта, направленного на создание нового советского человека.

Ключевые слова: социальная гигиена, Н. А. Семашко, Наркомздрав, новый человек.

Для цитирования: Григорьян Я. Г. «Новая жизнь должна быть непременно здоровой жизнью»: советская медицина общественное здравоохранение как инструмент воспитания «нового человека» в концепции наркома здравоохранения Н. А. Семашко // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2023. № 1. С. 126—131. doi:10.25742/NRIPH.2023.01.021.

Original article

«The new life must necessarily be a healthy life»: social hygiene as an instrument to discipline the «new person» in the concept of Nikolai Semashko, the head of people's commissariat of public health

Yana G. Grigoryan

I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University), Moscow, Russian Federation

grigoryan.yg@1msmu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5439-8788>

Annotation. The article examines the impact of social hygiene on the process of educating the Soviet citizen after the socialist revolution of 1917. From the early 1920s, the People's Commissariat of Public Health and its head, N. A. Semashko considered the social hygiene as the most effective tool of systematic work to «improve» all aspects of Soviet people's life — working conditions, food, housing, everyday life, leisure and education. Having become part of the cultural activities of the state, social hygiene took an important place in the process of building the socialist state, being part of the project aimed at creating a new Soviet Person.

Key words: social hygiene, N. A. Semashko, Narkomzdrav, the New Person.

For citation: Grigoryan Y. G. «The New Life Must Necessarily Be a Healthy Life»: Social Hygiene as an Instrument to Discipline the «New Person» in the concept of Nikolai Semashko, the Head of People's Commissariat of Public Health. *Bulletin of Semashko National Research Institute of Public Health*. 2023;(1):126–131. (In Russ.). doi:10.25742/NRIPH.2023.01.021.

Проект создания «нового человека» стал реализовываться в России после революции 1917 г. Несмотря на то, что эта идея была предметом публичных дискуссий всю вторую половину XIX столетия, проект оставался только недостижимым идеалом, художественным образом, наиболее ярко воплощенном в знаменитых романах И. С. Тургенева «Отцы и дети» и Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Оба произведения развивали представления о роли воспитания и образования в формировании «новой породы людей», видящих собственное счастье в общественном служении. Роман «Что делать?» с многозначительным подзаголовком «Из рассказов о но-

вых людях» придал этим дискуссиям отчетливый натуралистический характер, утверждая, что появление нового человека есть следствие материализации не его природных способностей или устремлений богоданной души, а строгого диетического и санитарного режима, трудолюбия, решимости и терпения.

Октябрьская революция 1917 г. открыла новый этап в этой дискуссии. Стремление новой власти к преодолению разрыва между существующей реальностью и желаемым будущим, превратило революционную мечту в неотложную практическую задачу. На фоне беспрецедентных открытий в области фи-

зиологии, рефлексологии, радиологии, эндокринологии, эпидемиологии, популяционной генетики, наука присоединилась к господствующим мечтаниям о «грядущем человеке», чтобы предложить недостающие идеи и методы, которые позволять сделать «сказку былью». Одной из первых, большевики восприняли идею социальной гигиены — области здравоохранения, которая рассматривала болезнь не только как индивидуальное, но общественное состояние. Придя к власти с целью построения первого в мире социалистического государства, большевики столкнулись с массовым голодом, повальными эпидемиями, недостатком врачей и лекарств, отсутствием финансов, невежеством, беспризорностью и разрухой. Подкрепив государственные решения достижениями современной науки, они предложили в качестве средства от болезней человека и общества гигиену, самодисциплину, режим, физические упражнения, сбалансированность всех аспектов повседневной жизни. Борьба за чистоту, установление норм поведения и быта, формирование правильных представлений о культурной и здоровой жизни оказались объединены в один большой цивилизационный проект создания «нового советского человека», в основе которого лежало здоровое тело — фундамент производительности и прогресса.

Множество опубликованных материалов по теме исследования в основном относится к двум широким категориям: изучению медицины как части советского политического проекта; и роли здравоохранения в претворении в жизнь социокультурной программы по воспитанию «нового человека». В то время как исследователи первой категории сосредотачиваются на анализе особенностей становления советской медицины, структуры и деятельности Наркомздрава, социальных и этических обязательствах советских врачей, гендерных и транснациональных аспектах трансформации здравоохранения и медицинской практики [1—10], интерес вторых нацелен на рассмотрение роли здравоохранения в области повышения общей культуры и санитарно-гигиенического просвещения советских граждан [2, 11—15].

Среди этого многообразия, исследования посвященные деятельности медицинских институций в формулировании советских антропологических идеалов и практик, которым должен был соответствовать «новый человек», чтобы считаться «советским», на удивление немногочисленны. Чаще всего они сосредоточены вокруг поиска био-психо-медицинских инструментов «создания нового человека»: от евгенических проектов советского государства [16—18] и теории «физиологического коллективизма» А. Богданова [19, 20] до выявления эффективных медицинских инструментов управления телом и сознанием в исследованиях, посвященных анализу развития советской психологии 1920—1930х гг. [21, 22].

Между тем, одним из важнейших направлений работы советского государства в 1920-х годах было повышение самосознания рабочего класса, продвижение новых «социалистических» идеалов, констру-

ирование практик построения советской идентичности, которые должны были переформатировать существующий тип взаимоотношений между гражданами и новой властью в соответствии со планами, политикой и интересами партийно-государственного аппарата. Это предполагало формирование мировоззрения, которое, будучи разделяемым всеми членами советского общества, одновременно, могло быть эффективно адаптировано к решению разнообразных задач советского государства и способствовать его социальному, политическому, культурному и научно-техническому прогрессу.

Форпостом новой политики государства в области здравоохранения стал Наркомздрав, с 1918 по 1930 гг. возглавляемый Н. А. Семашко. В 1918 г. Н. Семашко изложил программу работы Наркомздрава, основанную на принципах социальной гигиены. По его представлению, социальная гигиена развивалась как интегративная медико-социальная наука, видевшая в болезни не столько состояние отдельного человеческого тела, сколько результат влияния на организм экономических и социальных условий жизни, для изучения которого привлекались возможности медицины, биологии, социологии, философии, политэкономии и др. Здоровье, считал Семашко, это не только отсутствие болезней, но и содействие благополучию населения в целом. Поэтому цель социальной гигиены как науки состояла как в описании, так и в предписании: ее специалисты должны были изучать социальные условия, в которых возникают и распространяются болезни и предлагать социальные меры, которые способствовали бы достижению важной цели — предотвращению заболеваний [23, с. 8].

Концепция Н. А. Семашко основывалась как на его медицинских взглядах, так и революционном опыте. Вступивший в марксистский кружок Московского университета в 1893 г., уже в 1895 г. Семашко был отчислен из числа студентов и приговорён к ссылке. Тем не менее в 1901 г. он смог с отличием окончить медицинский факультет Казанского университета. Тяжелейшие условия работы земским и санитарным врачом повлияли на становление профессионального сознания А. Н. Семашко и утвердили его в мысли о первостепенности социальных условий в распространении болезней, определив его политическую деятельность [24].

Основные принципы медицины и концепцию организации советской системы здравоохранения Н. А. Семашко изложил на Первом Съезде медико-санитарных отделов, состоявшемся в июне 1918 г. в докладе «Об организации советской медицины на местах» [25, 16]. Модель Семашко строилась на идеях общедоступности, бесплатности, квалифицированности медицинской помощи, централизации управления и профилактической направленности медицины, которые вместе с активизацией борьбы с социальными болезнями и организацией широкой санитарно-просветительной работы стали основными принципами работы Наркомздрава.

По настоянию Н. А. Семашко, с начала 1920-х гг. социальная гигиена стала ведущим направлением

работы Комиссариата Здравоохранения. В статье «Социальная гигиена, ее сущность метод и значение» Семашко утверждал, что дифференциация наук является естественным ходом развития знаний и выделение социальной гигиены полностью соответствует научному прогрессу. Взглянув на болезнь с философских позиций, он пришел к выводу, что понимание происхождения болезни по формуле: «микроб + организм + (физическая) среда = болезнь» устарело, и обосновывал необходимость ее замены анализом социальных факторов, вовлеченных в болезнь [23]. В поддержку своих предложений он ссылался на немецких пионеров социальной медицины: Альфреда Гротьяна, Бенно Чайеса и Карла Кисскальта, убеждая, что предметом изучения социальной гигиены должно стать изучение взаимосвязи между условиями жизни и социальной структурой, в то время как общая гигиена должна заниматься оценкой пригодности условий жизни и труда для здоровья человека [26, с. 178].

Поскольку Семашко считал «бытовые» болезни основной угрозой для здоровья населения, он превратил пропаганду здорового образа жизни в один из важных элементов воспитания граждан советской страны. «Сыпняк — болезнь бедности и некультурности», — писал в своей работе «Основы советской медицины», увязывая задачу оздоровления населения с улучшением условий жизни и труда [27, с. 5]. Признавая задачами здравоохранения не только вопросы охраны здоровья и предупреждение болезней, но и формирование бытовой и гигиенической культуры населения, Семашко видел главную цель своей деятельности в создании условий для гармонического развития человека, которое означало для него проведение системной работы по «оздоровлению» всех сторон жизни советских людей — условия труда, питания, жилища, быта, отдыха, воспитания. «Мы не можем назвать культурным того человека, который, скажем, умеет читать и писать, но живет в грязи, нечистоте, плодит эпидемии, заражается сам по невежеству и заражает других», — писал он в 1930 г., ставя гигиену во главу угла прогресса [28, с. 4]. «Новый быт должен соответствовать новым социально-экономическим, политическим и культурным отношениям», — утверждал он [28, с. 10].

Используя патерналистский подход в воспитании советских граждан, врачи Наркомздрава во главе с Семашко начали работу по созданию амбулаторных учебных центров и стационарных лечебных учреждений, задачей которых было санитарное просвещение и контроль. В 1927 г. в Москве насчитывалось более трехсот амбулаторий, которые за 1925—1926 гг. приняли более семнадцати миллионов посетителей [3, с. 52]. В организации планомерной работы по борьбе с социальными болезнями основным учреждением стал диспансер [7, с. 166]. Консультационные и диспансерные врачи, медсестры и инспекторы наблюдали за беременностью, учили как правильно кормить и пеленать маленьких детей, обучали население правилам ведения домашнего хозяйства, приготовления еды, регулярной смене по-

стельного белья, рассказывали о вреде алкоголя и курения и т. д. Для тех, чье состояние требовало более радикального вмешательства, лечение, наблюдение, воспитание и просвещение обеспечивала санаторно-курортная система. Чтобы донести идеи о правильном образе жизни до здоровых людей были открыты пансионаты, позволяющий работникам отдыхать под наблюдением врачей в гигиеничной обстановке.

Принцип профилактического подхода был прост: информировать население о возможных последствиях своих действий, чтобы те предпочли здоровый образ жизни. С этой целью врачи диспансеров посещали рабочих в цехах и принимали больных в поликлиниках. Врач получил возможность не только лечить тело пациента, но и изменить его жизнь: добиться его переезда на новое место жительства, убедить сменить работу, организовать санаторно-курортное лечение, посещение диетической столовой, дневного и ночного санатория или порекомендовать специализированное лечение в предназначенном для этой цели лечебном учреждении. В 1925 г. 84 диспансера РСФСР, занимавшиеся лечением венерических болезней, приняли около трехсот тысяч человек и провели почти три миллиона контрольных обследований [7, с. 59].

Врачи консультировали своих пациентов в том, как изменить свой дом, диету, досуг и рабочие привычки, чтобы предотвратить рецидив заболевания. Полное диспансерное лечение включало визиты врача или медсестры на дом, чтобы проверить, соответствует ли обстановка в доме процессу выздоровления. В целях воспитания новых полезных привычек, медсестры проводили санитарное просвещение на дому, информируя жильцов об ошибках в ведении домашнего хозяйства, учили правилам протравливания помещения, указывали на необходимость изменения общего уклада жизни семьи и т. д.

В то время как амбулатории концентрировались на улучшении жизни взрослых пациентов, организованная Наркомздравом программа охраны здоровья материнства и детства сосредоточилась на обучении и помощи в уходе за детьми. К 1920 г. в стране было открыто 108 домов матери и ребенка, 197 консультаций, 108 молочных кухонь, 567 яслей и др. [7, с. 166]. Система обеспечивала наблюдение за состоянием беременных и кормящих женщин и их новорожденных детей, а также консультирование и обучение молодых матерей правилам ухода за малышами. Начиная с 1920 г. в городах, была организована система патронажа беременных и детей на дому. В первую очередь эти меры касались малограмотных женщин, женщин с первой или патологически протекающей беременностью [8]. Медсестры, приходившие к матерям домой, в случае необходимости могли осмотреть квартиру для выявления бытовых проблем, проводили инструктаж а, в сложных случаях, даже запрашивали материальную помощь. К 1927 г. Наркомздрав только в Москве курировал более 60 консультаций различного типа, 35 из которых — консультации для детей, находящихся на грудном вскармливании — посетили только за

1925—26 гг. более 630 000 раз. В 1919 г. в структуры Наркомздрава был передан Отдел охраны здоровья детей и подростков, который продолжал работу по формированию здорового образа жизни у повзрослевших детей. Только в 1921 г. Отдел охраны здоровья детей и подростков провел обследование состояния здоровья детей в 510 московских школах. Кроме того, Отдел охраны материнства и младенчества Наркомздрава курировал работу яслей, детских садов, молочных кухонь [3, с. 52].

Другим направлением, подпадавшим в область работы социальных гигиенистов Наркомздрава, был алкоголизм. В 1926 году Совет Народных Комиссаров принял указ, который возложил на Наркомздрав задачу изучения проблемы алкоголизма и организации профилактической борьбы с ним [29]. Проведение работы было организовано по трем направлениям: исследование алкоголизма как социальной проблемы, антиалкогольная санитарно-просветительная работа и организация лечебно-профилактической помощи алкоголикам. В 1926 году А. В. Мольков, директор Государственный институт социальной гигиены Наркомздрава написал статью, в которой бытовой алкоголизм понимался как результат действия таких социальных факторов, как недостаточное питание, изнурительные условия труда, отсутствие хороших условий жизни, возможностей реализации культурных потребностей и интересов. Такой подход актуализировал воспитательные возможности социальной гигиены, реализованные через санитарное просвещение и пропаганду [30, с. 42]. Уже в 1927 г. Наркомздравом РСФСР был издан циркуляр «Об антиалкогольной пропаганде», где были намечены идеи воспитательного характера: разъяснения о вреде пьянства для развития пролетарского государства, роль алкоголизма в увеличении уровня преступности, нанесении урона народному хозяйству (производственный брак, прогулы и др.), пагубное влияние алкоголизма на семейные отношения, конфликты с детьми, ухудшение здоровья, проблемы вырождения и др. [31]. Отказ от пьянства, поддержание личного здоровья приобретало дополнительное значение агитации за здоровье всего советского общества.

Санитарно-просветительская работа включала огромный комплекс мероприятий: лекции, кино-съемки, инсценировки, плакаты, постоянные выставки. Согласно записям окружного отдела здравоохранения г. Москвы за первое полугодие 1925 г. лекцию на тему «Работа, жизнь, здоровье» прослушали 161 306 слушателей. Отдел представил 117 фильмов и 30 спектаклей на санитарную тематику, распространил 6 162 листовки, 3 208 брошюр и 627 книг, организовал и обновлял фонд 25 передвижных библиотек, в каждой из которых было от 50 до 70 книг и почти 9000 диапозитивов о здоровье. 1 февраля 1925 г. в Москве открылся Дом санитарного просвещения, который посетили почти 9000 человек. На выставке было представлено более 800 экспонатов, в том числе 258 плакатов, 87 моделей, 20 восковых моделей, 58 экспонатов для уроков и библиотека, содержащая более 1000 книг. Даже если

бы каждая акция затронула только одного человека, это оказало бы влияние почти на четверть миллиона населения. О масштабности работ говорит тот факт, что этот большой комплекс мероприятий был направлен на нужды только одного московского района, и всего на полгода [3, с. 64].

Н. А. Семашко поставил задачу физического оздоровления населения на один уровень с Октябрьской революцией, превратив социальную гигиену в мерило успеха государства. Следуя лозунгу: «Физическое оздоровление укрепление, охрана и поддержание сил трудящихся — задача трудящихся», он и его последователи увязали воедино индивидуальную заботу о человеке с предотвращением государством социальных проблем [27, с. 9]. Забота о здоровье гражданина обеспечивала укрепление всего государства, устанавливая «прямую зависимость улучшения здоровья общества в целом и каждого отдельного человека в отдельности от общего развития производительных сил страны и ее экономического процветания» [32, с. 192]. Благодаря усилиям Н. А. Семашко социальная гигиена распространила свое влияние на все сферы жизни: гигиену труда, воспитания, здоровый сон, отдых, досуг, развлечения и общее культурное просвещение. Это позволило Семашко и его сторонникам вывести гигиену за рамки практического подхода и превратить ее в науку о жизни и для жизни. Усилиями Н. Семашко она из области, обеспечивающей охрану здоровья населения, превратилась в часть всей культурной деятельности государства.

Однако с 1930 года в стране произошел ряд структурных трансформаций, которые коренным образом изменили положение социальной гигиены и в стране, и в советском здравоохранении. Партийные идеологи выдвинули новый набор «социалистических» идеалов, соответствующих текущим приоритетам индустриализации, милитаризации и коллективизации, в основе которых лежали трудовой и воинский героизм. Вероятно, высокий статус Н. Семашко долгое время защищал Наркомздрав от политического вмешательства, однако и он не смог предотвратить «великий перелом», приведший к смещению Наркома со своего поста. Идеалы Семашко целью которых было улучшение повседневной жизни и придание ей социальной ценности в надежде воспитать идеального советского человека оказались заменены на практические задачи создания героических личностей с новыми желаемыми качествами, новым поведением и новыми социальными результатами — «новых людей социалистической эпохи».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Плаггенборг Шт. Революция и культура. Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб.: Журнал «Нева»; 2000.
2. Bernstein F. L. Panic, Potency and the Crisis of Nervousness in the 1920s. In Kiaer C, Naiman E. editors. Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 2005. p153-182.
3. Starks T. The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State. Madison: University of Wisconsin; 2008.

4. Хоффманн Д. Вращивание масс: модерное государство и советский социализм. 1914—1939. М.: Новое литературное обозрение; 2018.
5. Grant S, editor. Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880—1960. L.: Palgrave Macmillan; 2017.
6. Solomon SG, Hutchinson JF, editors. Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1990.
7. Хабриев Р. У., Егорышева И. В., Шерстнева Е. В. Николай Александрович Семашко — первый народный комиссар здравоохранения России. Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2018; 26(3): 164—168. doi: 10.18821/0869—866X-2018-26-3-164-168.
8. Егорышева И. В. Охрана материнства и младенчества в первые годы деятельности народного комиссариата здравоохранения РСФСР. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015; 30—36.
9. Большакова О. В. Формирование нового человека: биомедицинские науки в России XX века (современная англоязычная историография). В Большакова О. В., ред. Наука в СССР: современная зарубежная историография: сб. обзоров и рефератов. М.: Ин-т науч. инф. по обществ. наукам, 2014. С. 47—80
10. Кирик Ю. В., Ратманов П. Э., Шеноева П. А. Институционализация социальной гигиены в Советской России в 1920—1930-х годах в международном контексте. Дальневосточный медицинский журнал. 2020; 1:85—94.
11. Polianski IJ, Kosenko O. The “proletarian disease” on stage Theatrical anti-tuberculosis propaganda in the early Soviet Union. Microbes and Infection. 2021; 23(8). doi: 10.1016/j.micinf.2021.104838.
12. Kosenko O, Polianski IJ. Der Tanz der kleinen Spirochäten. Der Urologe. 2021;60 (5):628—639. doi.org/10.1007/s00120-020-01133.
13. Polianski IJ, Tutorskaya M., Kosenko O. «Sieben Plagen auf einmal schlagen» — Theatrale Hygienepropaganda und Infektionskrankheiten in der Sowjetunion der 1920-er—40-er Jahre // Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. 2021;44(1):44—73. doi.org/10.1002/bewi.2020
14. Bernstein FL, Burton C, Healey D, editors. Soviet medicine: Culture, practice, and science. DeKalb: Northern Illinois university press; 2010.
15. Simpson P. Revolutionary Evolution in Apes and Human in 1920s: Sculpture and Construct of the “New Man” at the Moscow Darwin Museum. In: Howell Y., Kremenstov N., editors. The Art and Science of Making the «New Man in Early-Twentieth-Century Russia. London: Bloomsbury Academic; 2021. p. 155—174.
16. Kremenstov NL. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. Oxford: Oxford University Press; 2014
17. Kremenstov NL. New Sciences, New Worlds and “New Men”. In: Howell Y., Kremenstov N., editors. The Art and Science of Making the «New Man in Early-Twentieth-Century Russia. London: Bloomsbury Academic; 2021. p.85—104.
18. Zamoiski A. Eugenics on the periphery: or why a “Belarusian eugenic project” did not come true (1918—1944). Acta Poloniae historica. 2016;114:59—84. doi: 10.12775/aPh.2016.114.03
19. Сергеева М. С. «Физиологический коллективизм» как основа нового социалистического общества 1920-х гг. Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2015; 3:165—166.
20. Морозова А. А. «Физиологический коллективизм» Александра Богданова: идея и практика. Самарский научный вестник. 2020; 9(1):174—178.
21. Bauer R. A. The New Man in Soviet Psychology Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 1952.
22. Сироткина И. Е. Классики и психиатры: психиатрия в российской культуре конца XIX — начала XX века М.: Новое лит. Обозрение; 2009.
23. Семашко Н. А. Социальная гигиена, ее сущность, метод и значение. В кн.: Социальная гигиена. Вып. 1. М., 1923.
24. Семашко Н. А. Ключки воспоминаний. М.: Молодая гвардия; 1930.
25. Семашко Н. А. Об организации советской медицины на местах. Известия советской медицины. 1918; 5—6.
26. Solomon S. G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921—1930. In: Solomon S. G., Hutchinson J. F., editors. Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1990. p. 175—199.
27. Семашко Н. А. Основы советской медицины М.: Нар. ком. здрав. 1919.
28. Семашко Н. А. Культурная революция и оздоровление быта. М-Л.: Гос. мед. изд-во. 1930.
29. Постановление СНК РСФСР от 11 сентября 1926 г. «О ближайших мероприятиях в области лечебно-предупредительной и культурно-просветительной работы по борьбе с алкоголизмом». Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства РСФСР. 1926; 57: 44.
30. Мольков А. В. Алкоголизм как проблема изучения. Гигиена и эпидемиология. 1926; 7—8.
31. Циркуляр Наркомздрава РСФСР от 9.03.1927 г. «Об антиалкогольной пропаганде». Бюллетень Наркомздрава РСФСР. 1927; 6:59—60.
32. О постановке санпросветработы в Союзе Медсантруд. Бюллетень № 14—1925. В Семашко Н. А. ред. Вопросы здравоохранения деревни. М.: Издательство Наркомздрава. 1925.

REFERENCES

1. Plaggenborg Sht. Revolution and Culture. Cultural Landmarks in the Period Between the October Revolution and the Era of Stalinism. SPb.:Zhurnal «Neva»; 2000. (in Russian)
2. Bernstein F. L. Panic, Potency and the Crisis of Nervousness in the 1920s. In Kiaer C, Naiman E. editors. Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 2005.p153-182.
3. Starks T. The Body Soviet: Propaganda, Hygiene, and the Revolutionary State. Madison: University of Wisconsin; 2008.
4. Hoffmann D. Cultivating of the Masses: The Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914—1939. М.: Novoye literaturnoye obozreniye; 2018. (in Russian).
5. Grant S, editor. Russian and Soviet Health Care from an International Perspective: Comparing Professions, Practice and Gender, 1880—1960. L.: Palgrave Macmillan; 2017.
6. Solomon SG, Hutchinson JF, editors. Health and Society in Revolutionary Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1990.
7. Khabriev R. U., Egorysheva I. V., Sherstneva E. V. N. A. Semashko, The First People's Commissar of Health Care. Problems of Social Hygiene, Public Health, and History of Medicine. [Problemy social'noy gigieny, zdavoohranenija i istorii mediciny]. 2018; 26(3): 164—168. (in Russian). doi: 10.18821/0869—866X-2018-26-3-164-168.
8. Egorysheva I. V. Motherhood and Infancy Care in the First Years Activity of The RSFSR People's Commissariat of Health. Bulletin of the N. A. Semashko National Research Institute of Public Health. 2015; 30—36. (in Russian).
9. Bolshakova O. V. Formation of a New Person: Biomedical Sciences in Russia of the XX Century (modern English-language historiography). In Bolshakova OV., editor. Science in the USSR: Modern Foreign Historiography: coll. reviews and abstracts. М.: In-t nauch. inf. po obshchestv. Naukam; 2014: 47—80. (in Russian).
10. Kirik Yu. V., Ratmanov P. E., Shenoeva P. A. Institutionalization of social hygiene in Soviet Russia in the 1920—1930s in the international context. Far Eastern Medical Journal. [Dal'nevostochnyy meditsinskiy zhurnal]. 2020; 1:85—94.
11. Polianski IJ, Kosenko O. The “proletarian disease” on stage Theatrical anti-tuberculosis propaganda in the early Soviet Union. Microbes and Infection. 2021; 23(8). doi: 10.1016/j.micinf.2021.104838.
12. Kosenko O, Polianski IJ. Der Tanz der kleinen Spirochäten. Der Urologe. 2021;60 (5):628—639. doi.org/10.1007/s00120-020-01133.
13. Polianski IJ, Tutorskaya M., Kosenko O. «Sieben Plagen auf einmal schlagen» — Theatrale Hygienepropaganda und Infektionskrankheiten in der Sowjetunion der 1920-er—40-er Jahre. Berichte zur Wissenschaftsgeschichte. 2021;44(1):44—73. doi.org/10.1002/bewi.2020
14. Bernstein FL, Burton C, Healey D, editors. Soviet medicine: Culture, practice, and science. DeKalb: Northern Illinois university press; 2010.
15. Simpson P. Revolutionary Evolution in Apes and Human in 1920s: Sculpture and Construct of the “New Man” at the Moscow Darwin Museum. In: Howell Y., Kremenstov N., editors. The Art and Science of Making the «New Man in Early-Twentieth-Century Russia. London: Bloomsbury Academic; 2021:155—174.
16. Kremenstov NL. Revolutionary Experiments: The Quest for Immortality in Bolshevik Science and Fiction. Oxford: Oxford University Press; 2014

17. Kremmentsov N.L. New Sciences, New Worlds and "New Men". In: Howell Y., Kremmentsov N., editors. *The Art and Science of Making the «New Man in Early-Twentieth-Century Russia*. London: Bloomsbury Academic; 2021:85—104.
18. Zamoiski A. Eugenics on the Periphery: or Why a "Belarusian Eugenic Project" Did Not Come True (1918—1944). *Acta Poloniae historica*. 2016; 114:59—84. doi: 10.12775/aPh.2016.114.03
19. Sergeeva M. S. «Physiological Collectivism» as the Basis of the New Socialist Society of the 1920s. *Bulletin of the National Research Institute of Public Health named after N. A. Semashko*. [Byulleten' Natsional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko]. 2015; 3:165—166. (in Russian).
20. Morozova A. A. «Physiological Collectivism» by Alexander Bogdanov: Idea and Practice. *Samara Scientific Bulletin*. [Samarskiy nauchnyy vestnik]. 2020; 9(1):174—178. (in Russian).
21. Bauer R. A. *The New Man in Soviet Psychology*. Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 1952.
22. Sirotkina I. E. *Classics and Psychiatrists: Psychiatry in Russian Culture of the late XIX — early XX Century M.*: Novoye lit. Obozreniye; 2009. (in Russian).
23. Semashko N. A. Social Hygiene, its Essence, Method and Significance. In book: *Social Hygiene*. Vol. 1. Moscow; 1923. (in Russian).
24. Semashko N. A. *Scraps of Memories*. Moscow: Molodaya Gvardiya; 1930. (in Russian)
25. Semashko N. A. On the Organization of Soviet Medicine in the Field. *Izvestia sovetskoy meditsiny*; 1918:5—6. (in Russian).
26. Solomon S. G. Social Hygiene and Soviet Public Health, 1921—1930. In: Solomon S. G., Hutchinson J. F., editors. *Health and Society in Revolutionary Russia*. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press; 1990:175—20.
27. Semashko N. A. *Fundamentals of Soviet Medicine*. Moscow: People's Commissariat for Health; 1919. (in Russian).
28. Semashko N. A. *Cultural Revolution and the Improvement of Life*. Moscow-Leningrad: State Medical Publishing House; 1930. (in Russian).
29. Resolution of the RSFSR SNK from September 11, 1926 «On the Immediate Measures in the Field of Therapeutic and Preventive and Cultural and Educational Work to Combat Alcoholism». *Collected Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR*. 1926; 57: 44. (in Russian).
30. Molkov A. V. Alcoholism as a Problem of Study. *Hygiene and Epidemiology [Gigiyena i epidemiologiya]*. 1926; 7—8. (in Russian).
31. Circular of the People's Commissariat of Health of the RSFSR of 9.03.1927 «On anti-alcohol propaganda». *Bulletin of the People's Commissariat for Health of the RSFSR*. 1927; 6: 59—60. (in Russian).
32. On the Setting up of Health Education Work in the Medsanstvo Union. *Bulletin No. 14—1925*. In Semashko N. A. Ed. *Issues of Village Health Care*. M.: Izdatel'stvo Narkomzdrava; 1925. (in Russian).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.09.2022; одобрена после рецензирования 10.10.2022; принята к публикации 17.02.2023.

The article was submitted 30.09.2022; approved after reviewing 10.10.2022; accepted for publication 17.02.2023.